

А. Г. МАНЬКОВ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В РОССИИ
ШВЕДСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ПРИ СОСТАВЛЕНИИ ПРОЕКТА УЛОЖЕНИЯ
1720—1725 гг.

За вторую половину XVII в. в общественной жизни России произошли заметные перемены. Усилилась классовая борьба крестьян и посадских людей — начиная с массовых побегов от помещиков и вотчинников через локальные восстания в уездах и городах до крупнейшей крестьянской войны под предводительством С. Разина. Ее подавление вызвало мощную волну социального протеста низов в форме раскола. Не случайно в проекте манифеста, который должен был возвестить о принятии нового Уложения, подготавливаемого Палатой 1700 г., говорилось, что из челобитий «священного и мирскаго всяких чинов людей» Петру стало известно о возросшей дерзости раскольников, о неправде в судах, о том, что «... в людях между себя умножилась нелюбовь и ссоры и немилосердия, и обиды, и драки великие, и бои, разбои, татбы и кражи».¹ За этой официальной оценкой положения дел скрывались большие общественно-политические события. Процесс сближения поместного землевладения с вотчинным, возросшая роль городов и торговых людей, зачатки регулярного войска, усиление приказного бюрократического аппарата, отмена местничества — эти и многие другие события делали непригодным в глазах правительства существующее законодательство. К тому же распыленность по многим приказам законодательных актов, принятых после Уложения 1649 г., лишала возможности быстро и оперативно использовать закон в интересах господствующего класса. Не удивительно, что к числу первых шагов Петра I на пути преобразований относится учреждение в 1700 г. Палаты для составления нового Уложения. Работа Палаты оста-

¹ Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, т. I. М.—Л., 1945, стр. 30—33.

лась незавершенной.² В 1714 г. была учреждена новая комиссия для составления Уложения. И в данном случае успех был небольшим.³ Наконец, в 20-е годы Петр I предпринял еще одну попытку составить Уложение, на этот раз качественно отличную от предшествующих.

В основу двух первых попыток было положено русское законодательство начиная от Уложения 1649 г. Основная цель сводилась к созданию сводного Уложения лишь с относительно незначительной долей выработанных комиссиями дополнений, обычно в развитие и уточнение прежних норм. Даже форма свода мыслится в традиционных рамках прежнего Уложения. Иначе выглядят результаты третьей попытки создания Уложения, начало которой относится к 1720 г. Она органически связана с проходившей в ту пору реформой органов государственного управления и по сути дела является неизбежным ее следствием. Перестройка органов управления немыслима без изменений в системе права. Перестройка же системы права получила прежде всего отражение в таких новых действующих больших сводах законов, как артикулы (Воинский 1715 г.),⁴ уставы (Воинский 1716 г. и Морской 1720 г.),⁵ регламенты (Генеральный 1720 г., Главного магистрата 1721 г.)⁶ и др.

Естественно, что реформа права проходила в тех же условиях и на той же основе, что и реформа органов государственного управления. Справедливо поэтому высказанное, правда в общей форме, суждение Н. С. Ромашкина: «Россия развивалась не в стороне от мировой цивилизации. Нет удивительного, что Петр I, как выдающийся представитель господствующего класса — дворянства, учреждая постоянную армию и реформируя государственный аппарат по иностранному образцу в интересах дворянства, использовал опыт наиболее передовых стран и строил свое законодательство с учетом иностранных источников».⁷ Следует подчеркнуть, что Россия не была в данном отношении одионок. Заимствование иностранного опыта, прежде всего в области

---

² Д. Поленов. Материалы для истории русского законодательства, вып. I. Палата об Уложении. СПб., 1865; М. М. Богословский. Петр I, т. IV, М., 1948, стр. 192—193; А. Г. Маньков. Крестьянский вопрос в Палате об Уложении 1700 г. В сб.: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков. М.—Л., 1960, стр. 7—79.

³ Полное собрание законов (далее — ПСЗ), т. V, №№ 2819, 2828; см. также: В. Н. Латкин. Законодательные комиссии в России в XVIII ст., т. I. СПб., 1887, стр. 18—21.

⁴ ПСЗ, V, № 3006; Памятники русского права, вып. 8 (далее — ПРП), стр. 319.

⁵ ПСЗ, V, №№ 3006, 3485; ПРП, стр. 319, 457, 467, 579.

⁶ ПСЗ, VI, №№ 3534, 3708; ПРП, стр. 72 и 126.

⁷ Н. С. Ромашкин. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947, стр. 20.

военного устройства и военного законодательства, было широко распространенным явлением в Европе.⁸

Относительно России вопрос о мере использования, а отсюда и степени воздействия западноевропейского законодательства на систему права петровского времени еще далек от своего разрешения, несмотря на обилие историко-правовой литературы, в особенности досоветской. Причина такого явления, на наш взгляд, кроется в том, что большинство авторов шло по линии общих рассуждений и внешних сопоставлений правовых институтов. Однако удовлетворительный результат возможен лишь на основании не только глубокого анализа существа сопоставляемых правовых норм с обязательным учетом социально-экономических условий каждой из изучаемых стран, но и тщательного текстологического анализа законодательных памятников. Что такое текстологическое сличение памятников права может дать ценные результаты, показывает опыт изучения состава и происхождения Артикула воинского и Воинского устава, главным образом в его военно-уголовной части, предпринятого в свое время П. О. Бобровским. Еще до П. О. Бобровского М. П. Розенгейм показал, вопреки утверждениям некоторых немецких военных юристов, что Воинский устав не был переводом какого-то иностранного устава, а являлся результатом самостоятельной работы Петра по изучению и отбору, в соответствии с потребностями русского войска, норм различных европейских военных кодексов.⁹ П. О. Бобровский уточнил эти результаты, показав, что Петр использовал в большей степени, чем законы какой-либо другой страны, законодательство Швеции и прежде всего Военный артикул Густава II Адольфа 1621—1632 гг. с изменениями, внесенными Карлом XI в 1683 г. Наряду с этим использованы и другие источники западноевропейского права. Система наказаний, например, почерпнута из датского военно-уголовного права.¹⁰ Однако при всех заимствованиях Устав воинский не был компиляцией западноевропейских образцов права, а являлся итогом творческой переработки, хорошо приспособленной «к обстоятельствам времени и основным целям деятельности Петра Великого, как государя и полководца, работою зрело обдуманною и соображенною с требованиями быта постоянной армии».¹¹

Важные дополнения в изучение военных уставов Петра внес советский ученый П. П. Епифанов, показавший, что источниками

⁸ П. О. Бобровский. 1) Состояние военного права в Западной Европе в эпоху учреждения постоянных войск. СПб., 1884; 2) Военное право в России при Петре Великом, ч. 2, СПб., 1882.

⁹ М. П. Розенгейм. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878, стр. 67, 166.

¹⁰ П. О. Бобровский. Происхождение Артикула воинского и Изображения процессов Петра Великого. СПб., 1881, стр. 7, 12, 29, 33—46.

¹¹ П. О. Бобровский. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях. СПб., 1887, стр. 94—96.

Артикула воинского были предшествующие ему Уложение Шереметева, Краткий артикул Меншикова, уставы и указы Петра I, в свою очередь испытывавшие влияние западноевропейского права. В основу же Воинского устава был положен богатый боевой опыт русской армии, приобретенный ею в Северной войне. Использование же законов других государств было не большим, чем в законодательстве любой другой европейской страны.¹²

Так более или менее удовлетворительно обстоит дело с изучением Артикула воинского и Воинского устава. Нельзя сказать того же о других законодательных сводах Петра и тем более о законодательстве его времени в целом.

Существенную роль в данном отношении должно сыграть изучение большого архива Уложенной комиссии 1720—1725 гг., в состав которого входят законодательные материалы как русского, так и иностранного происхождения, служившие источником для выработки нового свода законов, и многочисленные черновые редакции текста книг и глав вплоть до редакций, которые вполне допустимо считать близкими к завершению.¹³ Словом, архив Комиссии 1720—1725 гг. содержит богатый материал для изучения направлений и тенденций в развитии законодательства первой четверти XVIII в. Внешняя история работы Комиссии изложена в книге В. Н. Латкина.¹⁴ Изучением же оставленного ею наследия никто не занимался. В рамках небольшой статьи и в границах поставленной темы мы имеем в виду изложить некоторые наблюдения над использованием шведского законодательства в качестве одного из источников проекта нового Уложения.

В составе фонда Комиссии имеются переводы шведских Земского и Городового уложений, эстляндского права о браках, судоустройстве и судопроизводстве, шведского Уложения, эстляндского, лифляндского и датского прав о векселях, крепостях и купеческих долгах и банкротствах.¹⁵ Отдельную часть фонда составляет первоначальный черновой вариант проекта Уложения, написанный на развернутых листах большого формата по следующей схеме: сверху помещен заголовок статьи, а под ним идут выдержки из источников права в виде параллельных столбцов: 1) в Уложении (1649 г.), 2) в Кормчей, 3) в указах, 4) военные (уставы Воинский и Морской), 5) в шведском, 6) в датском, 7) сочиненное.¹⁶ Для эстляндских и лифляндских законов не вы-

¹² Военные уставы Петра Великого. Сборник документов. Вступит. статья и комментарии П. П. Епифанова. М., 1946, стр. 38, 39; П. П. Епифанов. Воинский устав Петра Великого. В кн.: Петр Великий. Сборник статей под ред. А. И. Андреева. М.—Л., 1947, стр. 167—213.

¹³ Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 342, №№ 11—33.

¹⁴ В. Н. Латкин, ук. соч., стр. 21—39.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 342, № 32, ч. I—III.

¹⁶ Там же, № 31, ч. I—II.

делена специальная графа, но в тех случаях, когда они привлекались, выдержки из них помещали в графе «в шведском», но с указанием «в эстляндском». Если статье, обозначенной сверху листа, отвечала та или иная клаузула, находящаяся в перечисленных выше законах, то она заносилась в соответствующую графу. Если же такой клаузулы не было, место оставалось пустым. Результатом рассмотрения выдержек из разных правовых кодексов, расположенных по статьям, является содержание последней графы — «сочиненное». «Сочиненное» было либо повторением нормы одного из источников, либо своеобразным синтезом двух или трех из них, либо тем или другим, но с добавлением вновь сочиненного текста, либо, наконец, целиком сочиненным наново.

В отдельной части фонда находится текст проекта Уложения, представляющий собой систематизированное изложение того, что вошло в графу «сочиненное». Имеется заголовок: «Уложение Российского государства». Текст делится на четыре книги,¹⁷ книги — на главы, а главы на статьи. С внешней стороны степень редакционной готовности отдельных книг, титулов, глав и статей весьма различна. Некоторые из них носят следы лишь небольшой редакционной правки и, по всей видимости, были близки к завершению; другие, наоборот, имеют большую редакционную правку, перечеркивания текста с надписыванием нового на полях. На полях же обычно указаны источники: из Уложения, из военного, из указов, из шведского (или конкретно — реестр, артикул такой-то), датского, и т. д.

Прежде чем перейти к выяснению места шведского права как источника проекта Уложения 1720—1725 гг., следует ознакомиться с официальными материалами, которыми несомненно руководствовались члены законодательной комиссии. Изучив данные о коллегиях, собранные специально посланными в Данию, Германию и Швецию лицами, Петр I в качестве образца для создания коллегий в России избрал именно шведские коллегии. Указом 28 апреля 1718 г. «О сочинении коллегиями законопроектов регламентов»¹⁸ Петр I предписал коллегиям составить проекты регламентов на основании шведского регламента (устава) «во всех делах и порядках по пунктам. А которые пункты в шведском регламенте не удобны или с ситуациею сего государства не сходны, и оные ставить по своему рассуждению и, поставя, об оных докладывать, так ли им быть». Предписывая в другом случае организацию Юстиц-коллегии по шведскому образцу, указ 9 мая 1718 г. требовал «из Уложения и уставов шведских, что касается до Юстиц-коллегии... то выписывать и приносить в Сенат, где надлежит спускать с русскими обычаями, что может быть

¹⁷ Там же, № 33, ч. I—IV.

¹⁸ ПСЗ, т. V, № 3197; Н. А. Воскресенский, ук. соч., стр. 60.

по-старому и что переменить».¹⁹ В таком же духе 9 мая 1718 г. была наложена резолюция Петра на докладе Юстиц-коллегии об устройстве судебных мест по примеру Швеции и о крайней необходимости в связи с этим перевода шведского кодекса (Устава) на русский язык, а русского Уложения — на немецкий. «Понеже, — сказано в этом докладе, — значитися на будущее время в делах необходимая трудность, что русские не имеют еще переведенного на свой язык шведского уставу, ни иноземцы не сведомы об Уложении государства российского и новосостоятельных указах. . . весьма надобно есть для нужнейшего определения всех юстиции дел, чтобы российское Уложение и все те указы переведены были ради иноземцев по-немецки, а устав шведский по-русски». Там, где предлагалось для «скорого соединения» русского и шведского законодательств включить в Комиссию «из русских и из немецких особ, сведомых в тех правах», Петр написал: «Сводить самим по данному указу».²⁰

На первых порах вся тяжесть работы пала на президента Юстиц-коллегии А. А. Матвеева, который писал кабинет-секретарю А. В. Макарову: «... в повсременном ныне труде пребываю сам при своде шведского Устава с российским Уложением, не покладывая в том ни на кого».²¹ Огромные трудности в такой работе крылись в недостатке сведущих людей и, главное, в существенных различиях систем шведского и русского права, в большой неупорядоченности последнего. Задача состояла не в своде шведского и русского прав, а в создании нового русского свода законов на основе главным образом той и другой системы. К этому в сущности и сводятся результаты хотя и незаконченной работы Комиссии 1720—1725 гг. Так понимал задачу и сам Петр, когда в указе 9 декабря 1719 г., данном Сенату, предписывал начать слушание шведского Уложения 7 января 1720 г., требуя при этом, «слушаючи оное, которые пункты покажутся не сходны к нашему народу, то против оных из старого Уложения или новые пункты делать. Також ежели покажутся которые в старом Уложении важнее, нежели в шведском, те також противу написать, и все то нам к слушанью изготовить». Конкретизируя свою мысль, Петр в том же указе предписывал: «Для поместных дел взять права эстляндские и лифляндские, ибо оные сходнее и, почитай, одним манером владение имеют, как у нас».²² Это замечание Петра весьма примечательно. В Швеции так же, как и в Эстляндии и Лифляндии, существовало феодальное землевла-

¹⁹ ПСЗ, V, № 3204. — Подобная мысль проводится и в указе 11 июля 1718 г. «О своде шведского регламента во всех коллегиях с русским» (ПСЗ, V, № 3207); см. также: Н. А. Воскресенский, ук. соч., стр. 60.

²⁰ ПСЗ, V, № 3202.

²¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Изд. «Общ. польза», [б. г.], кн. IV, стр. 149.

²² ПСЗ, V, № 3463; Н. А. Воскресенский, ук. соч., стр. 73—74.

дение. Следовательно, выделяя прибалтийские земли, Петр I мог иметь в виду не форму землевладения, а связанную с нею систему зависимости и эксплуатации крестьян. В находившихся под шведским владычеством Эстляндии и Лифляндии получило распространение крепостное право, которого не было в самой Швеции.

Итак, поднимая вопрос о создании нового Уложения, Петр I настаивал на использовании в качестве одного из источников прежде всего шведского законодательства, требуя одновременно брать из него лишь то, что сходится «с ситуациею» русского государства, отбрасывая пункты, которые «не сходны к нашему народу». Разумеется, требования Петра имели определенный смысл: заимствовать лишь то, что отвечало интересам русского дворянства и укреплению абсолютизма.

Но почему именно законодательство Швеции, а не какой-либо другой страны? В литературе о государственно-правовых реформах Петра обычно идет речь об учете Петром опыта «наиболее передовых стран».²³ Но Швеция не принадлежала к числу таких стран. В XVII в., когда, собственно, и сложилось шведское законодательство, использованное Петром, Швеция, по справедливому замечанию А. С. Капа, принадлежала к числу «менее развитых, но тесно связанных с молодым буржуазным миром» стран.²⁴

Основы феодального строя оставались в ней незатроутыми. Более того, шведский феодализм терял черты своей незавершенности. Первая половина XVII в. была «золотым веком» шведского дворянства. Заметно росло число дворянских имений за счет раздачи коронных земель. Шел процесс усиления феодально-барщинной эксплуатации крестьян. Но одновременно шведское феодальное владение было глубоко втянуто в товарно-денежные отношения. Широкое развитие получило мануфактурное производство, прежде всего в области металлургии. Все это влекло за собой появление зачатков капиталистических отношений.²⁵ В плане социально-экономическом, таким образом, Швеция занимала промежуточное положение между отсталой феодальной Россией и передовыми буржуазными странами в лице Англии и Голландии.

В политическом отношении Швеция в XVII—начале XVIII в. была страной абсолютизма. Редукция (возвращение в казну захваченных аристократией коронных земель), не подорвав феодального землевладения, значительно увеличила власть короля, показав ее возможности в отношении подданных.²⁶ Наряду с этим Швеция была страной развитой бюрократической системы управления, коллегиальной по форме. На коллегиальных на-

²³ См., например: П. С. Ромашкин, ук. соч., стр. 20.

²⁴ А. С. Кап. Две тенденции в дворянском хозяйстве Швеции XVII в. «Вопросы истории», 1954, № 3, стр. 131.

²⁵ Всемирная история, т. IV. М., 1958, стр. 363—364; А. С. Кап, ук. соч., стр. 131.

²⁶ Всемирная история, т. V. М., 1958, стр. 152.

чалах еще с первой половины XVII в. были основаны Канцелярия, Палата, а также придворный суд. Еще при Густаве II Адольфе была создана сильная национальная армия, комплектуемая путем рекрутских наборов, в то время как в других странах Европы были преимущественно наемные войска.²⁷ Указанные черты экономического, социального и политического строя Швеции в значительной степени отвечали задачам реформ в России первой четверти XVIII в. и объясняют, почему Петр I намечал наибольшие заимствования из системы шведских управления и законодательства.

В русском законодательстве первой четверти XVIII в. процессуальное право было представлено в основном тремя памятниками: указом 1697 г. «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску»,²⁸ «Кратким изображением процессов или судебных тяжб» в составе Воинского устава,²⁹ и указом 1723 г. «О форме суда».³⁰ В проекте нового Уложения 1720—1725 гг. судоустройству, подсудности и процессуальным вопросам посвящена отдельная книга — «О процессе, т. е. о суде п месте и о лицах, к суду надлежащих».³¹ Основными источниками при написании этой книги были Уложение 1649 года, а из памятников петровского времени — «Краткое изображение процессов» и указ 1723 г. Наряду с этим использованы шведские и датские законы. Уже в силу того, что русское судопроизводство располагало лишь кратким изложением правил судебного процесса, новый проект отличается дальнейшей значительной разработкой, детализацией вопросов судоустройства и процессуальных моментов. Именно здесь существенную роль как источник сыграло шведское право. Мы находим заимствования из него в статьях, определяющих порядок и строгий режим работы судебных мест, необходимость широкой известности в народе местонахождения их и т. д. Заимствованы также требование об избрании сенаторов по присяге и целый ряд норм по таким вопросам, как отстранение судьи от дела в случае причастности его к делу или при наличии жалобы на него, условия допуска судьи к присяге, беспристрастность судей, коллегиальность в решении дел, фиксация судебного протокола и его оформление, о наказании судей штрафом и т. д.

В процессуальной части на основе шведского права детализированы вопросы вызова сторон в суд (форма вызова, сроки, способы передачи вызовов, вызов малолетних и т. п.). Порука — неотъемлемый институт феодального права. Она была и в русском праве, по тем не менее в первой книге (гл. XIV) целый ряд

²⁷ И. Андерссон. История Швеции. М., 1951, стр. 182.

²⁸ ПСЗ, III, № 1572; ПРП, стр. 571.

²⁹ ПСЗ, V, № 3006; ПРП, стр. 579.

³⁰ ПСЗ, VII, № 4344; ПРП, стр. 632.

³¹ ЦГАДА, ф. 342, № 33, ч. I

конкретных положений взят из шведского и датского права. Сюда относятся отказ женщинам и малолетним в праве на поручительство, процедура оформления поруки. Установлено ограничение поруки: «В преступлениях, которые телу и животу касаются, порука не применяется» (гл. XIV, ст. 7). Наряду с этим следует указать что большая часть выдержек из шведских и датских законов о поруке перечеркнута и не получила отражения в предложенных законодателями статьях.

Следующий момент — свидетели и их место в процессе. Из шведского права заимствованы положения о способах представления сторонами свидетелей, о подозрительных свидетелях, о лишении права быть свидетелями несовершеннолетних (до 20 лет),³² умалишенных, лиц, имеющих сведения о деле от посторонних,³³ а также признание общей ссылки истца и ответчика на одного свидетеля, как достаточной, а показаний свидетеля одной стороны — за половину доказательства. Последнее подкреплено ссылкой на указ 1697 г. и шведский закон. Из шведского же права заимствованы присяга свидетелей,³⁴ процедура допроса свидетелей и его оформление, образ действия судей в случае противоречивости свидетельских показаний и согласия между истцом и ответчиком, порядок апелляций (применительно к русскому судоустройству). В последнем случае вводилось ограничение: челобитчики, бывшие челом царю на решение Сената, по указу 1718 г. подлежали смертной казни (гл. XXXIV, стр. 15). В соответствии с регламентом Главного магистрата и шведским Городовым уложением определен статут магистратских судов (ст. 21).

Последняя (XLI) глава этой книги названа: «О должности межевщиков, межеваньи и выписях». Ее предмет — процедура решений спорных поземельных вопросов и их оформления. Примечательно, что при написании этой главы использованы только русские законодательные памятники — Уложение 1649 года, писцовые наказы и указы второй половины XVII—первой четверти XVIII в., хотя данная глава содержит наибольшее число статей — 84.

Книга II проекта Уложения — «О процессе в криминальных, розыскных и пыточных делах»³⁵ посвящена изложению принципов розыскного, инквизиционного суда. Ее прототипом служит небольшая глава в составе «Краткого изображения процессов», названная «О распросе с пристрастием и о пытке».³⁶ Именно

³² «Краткое изображение процессов» допускает в свидетели с 15 лет (ПРП, стр. 589).

³³ Эти ограничения дополняли те, что предусматривались «Кратким изображением процессов» (ПРП, стр. 588—590).

³⁴ Присяга свидетелей предусматривалась и «Кратким изображением процессов» (ПРП, стр. 590—591).

³⁵ ПГАДА, ф. 342, № 33, ч. II.

³⁶ ПРП, стр. 595.

пытка как важнейший институт феодального следственного процесса составляет основное содержание второй книги.

Из шведского права заимствовано определение пытки: «Тортура, или пытка, хотя она телу весьма чувствительное оскорбление причиняет, однакож для испытания изведывания правды за неимением обличения против злых и хитрых людей изобретена». Далее следует предостережение: «Покамест иным способом сущую правду испытать возможно, то по правам пыткою поступать не надлежит» (гл. II). В соответствии с этим и вслед за шведским законодательством³⁷ устанавливается следующая регламентация применения пытки: не начинать процесса с пытки, пытку применять «в тяжких и великих преступлениях, которых ради бывает смертная казнь или наказание на теле», «дабы правду выведать за неимением других доказательств».

Основы регламентации пытки были заложены в «Кратком изображении процессов», положения которого вошли во вторую книгу проекта Уложения. Наряду с этим предпринята попытка дальнейшего развития и конкретизации этого сюжета. Например, вслед за шведскими законами оговорены категории лиц, на которых пытка не распространяется (престарелые — свыше 70 лет, малолетние — до 14 лет, беременные, слабые физически, умалишенные, глухие, немые и слепые). Однако допускается, что стариков и детей можно пугать пыткой, детей бить лозами, а слабых физически пытать при оскорблении величества (гл. VII).

Вслед за шведским законом устанавливается, что слух и народная молва не могут быть основаниями для применения пытки при отсутствии других доказательств виновности. Однако шведский закон допускал исключения классового характера: слух может быть достаточным основанием для пытки «подлых» людей, в отношении которых можно верить, что они совершили преступление. От составителей Уложения добавлено, что пытке подлежат бродячие без паспортов (гл. VI), крестьяне и люди, на которых их господа «скажут разбой или татьбу» (гл. I). В таких случаях пытка допускается «без процессной формы».

Следует отметить общее предостережение, заимствованное из шведского «Процесса о криминальных делах»: пытке не всегда можно верить, а потому «иметь опасное рассмотрение» (гл. VII). С другой стороны, одна из статей гл. VII дословно повторяет шведскую норму: если имелись достаточные доказательства виновности, а судья все же прибег к пытке, и при этом виновный не повинился, то судья не может его осудить. Прежние доказательства утрачивают силу. Судья виноват, что не использовал их. Наконец, специальная глава (IX) предусматривает ответственность судьи за превышение пределов пытки. По шведскому закону судья, который по злости или подкупу пытал обвиненного

³⁷ Процесс о криминальных делах.

так, что тот умер, подлежит смертной казни. В проекте же установлено: судью, «несправедливо и паче меры» применившего пытку, в результате чего обвиняемый умер, «наказать и набольшее лишить чина». В этом случае допущены даже отступления от «Краткого изображения процессов», где наказание судьи за превышение пределов пытки ближе к шведскому закону.³⁸

Другой существенной частью второй книги проекта Уложения является перечень «признаков злодейства», иначе — вопросы криминалистики. Они делятся на общие и частные. Например, ряд статей сообщает признаки, по которым можно раскрыть тайно совершенное убийство, в частности признаки убийства при ссоре или убийства младенца, «прижитого блудом»; сюда же отнесены признаки отравления ядом, признаки поджогов и изготовления фальшивой монеты, значение похвальбы до суда и «следа злодея» как признаков преступления, роль поличного как опознавательного признака. В отдельную статью выделены особо трудные признаки преступлений (гл. VIII). По всем этим вопросам в белой редакции статей повторены почти буквально тексты переводов статей шведского Уложения, которые в первоначальной редакции даны как источники.³⁹ К разряду признаков опознания преступлений отнесены и показания очевидцев (свидетелей). В качестве источников статей, затрагивающих этот вопрос, приведены выдержки из «Краткого изображения процессов» и шведского «Процесса о криминальных делах». Любопытно, что в «сочиненном» и, следовательно, в соответствующих статьях Уложения (гл. III) несмотря на то что обе выдержки объединяет одна и та же мысль, дан шведский текст, очевидно как наиболее развернутый.

Книга III — «О злодействах, какие штрафы и наказания последуют» — содержит около 40 глав, из которых каждая делится на статьи, содержащие подробный перечень главным образом уголовных преступлений и отчасти гражданских правонарушений и определение санкций.⁴⁰ В целом на первом месте в качестве источников здесь стоят памятники русского права и прежде всего Устав воинский с его основными военно-уголовными разделами (Артикул воинский,⁴¹ Патент о поединках и начинании ссор),⁴² Морской устав⁴³ и Уложение 1649 года. Наряду с ними использован ряд указов. Выдержки из шведского, а отчасти и датского права приведены в качестве источников в значительном числе

³⁸ ПРП, стр. 596.

³⁹ Относительно опознания краденого целый ряд статей заимствован из датского права.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 342, № 33, ч. III.

⁴¹ ПСЗ, V, № 3006; ПРП, стр. 319.

⁴² ПСЗ, V, № 3006, гл. XLIX; ПРП, стр. 457.

⁴³ ПСЗ, VI, № 3485; ПРП, стр. 467.

случаев, но в подавляющем большинстве оставлены либо без внимания, либо использованы частично как материал для более пространной формулировки определения состава преступления и мотивировки назначаемой санкции. Встречаются и такие случаи, когда около выдержек из шведских законов имеются пометы: «Оставить к рассуждению» (гл. I).

Самостоятельное значение шведского, а отчасти датского права как источника сказывается в третьей книге лишь в случаях расширения круга казусов, продиктованного стремлением законодателя дать более дифференцированное и дробное определение состава преступлений и мер пресечения, чем это было до сих пор. Само это стремление было продиктовано усложнением общественной жизни России в первой четверти XVIII в. В качестве иллюстрации приведем некоторые случаи использования шведских законов для определения казусов и мер пресечения из области уголовных преступлений, например: увоз чужой жены при ее согласии; насильственное «вытеснение из жилища» (гл. XVI); угроза городу и его жителям; составление писем с угрозами по наущению третьих лиц, связь с «худыми людьми» (гл. XVII); при «уязвлении скотом — зверем» возмещение оплаты лекару за лечение (гл. XXI); умышленный убий и ранение скотины (гл. XXII); продажа поддельных золота или серебра, пятнание ложным гербом мер и веса (гл. XXVI); причинение убытка чужой собственности (дому, имуществу) (гл. XVI); отравление ядами (гл. XXXII); «смертные убийства чрез разные случаи» (гл. XXXIII); неумышленное «смертное убийство» и вынужденная оборона (гл. XXXIV); содержание домов терпимости (гл. XXXV), и др. Наряду со шведским в перечисленных случаях использовано и датское право, в особенности в статьях «о зажиганиях» (поджогах) (гл. XXVII).

Из той же области приведем пример определения санкции на основе разных источников. В ст. 6 гл. XII за убийство своего отца определено колесование, а на поле дана справка: «По Уложению 1649 года — казнить смертью, по Уставу воинскому — колесовать, по эстляндским и саксонским — с петухом в воду, по шведским — колесовать». Любопытно, что шведское и датское право широко использованы в главе «О чародействе и еретичестве и тому подобным колдунам» (гл. II). Казалось бы, в русском законодательстве нет недостатка в материале по этим вопросам, но шведское право как феодальное дало возможность расширить круг казусов и помогло в определении санкций.

Книга IV — «О цыvilных или гражданских делах и о состоянии всякой экономии, или о добрых и противных порядках в домоправительстве» — является наиболее обширной. Она делится на пять титулов: «О содержании добрых порядков и о владении собственностью», «О праве в делах к торгу, договору и найму принадлежащих», «Об опеке малолетних», «О сговорах, браках и

духовных», «О наследовании». Титулы делятся на главы, главы на статьи. Это — обстоятельный свод законов гражданского права, регулирующих отношения собственности, крепостного права, в области найма рабочей силы, торговли, наследования и т. и. В наибольшей мере шведское право как источник использовано в законах об опеке, сговорах, браках, наследовании, по некоторым вопросам торговли, градостроительства, найма — аренды имущества и т. п. Значительно меньше заметно его влияние в вопросах охраны поземельной и иной собственности. И почти полностью отсутствует оно в разделах, посвященных найму рабочей силы и правовому положению крестьян.

Опекунство малолетних не было предметом внимания русского права до XVIII в. В данном же случае этот вопрос выделен в специальный раздел (титул 3). Не удивительно, что от определения понятия опеки и ее общественной значимости («Общая польза требует...») и до регламентации частных вопросов опеки многое взято дословно или с некоторой редакционной правкой из шведских законов: возраст опекаемых (до 20 лет), требования, предъявляемые к опекунам (гл. II), и правовое положение опекаемых («от кого и как опеки определены быть имеют»).

В основу статей о сговорах, браках и духовных положено русское право. Однако устранены институты, которые признаны устаревшими («Рядные и сговорные записи отставить, а приданое писать в росписях») (гл. II). Под влиянием иноземного права подчеркнут добровольный характер брачного сговора, но при обязательном согласии родителей. Сговор, осуществленный без ведома и воли родителей, признается недействительным (помета: «Против шведского Реестра») (гл. II, ст. 4). При сговорах требовалось не менее 2 свидетелей мужского пола. При одном свидетеле сговор признавался недействительным (помета: «Против шведского»). Опираясь на шведское законодательство, составители Уложения возводили в норму права классовый подход в вопросах брака. Если девица-дворянка выходит замуж за недворянина, то по шведскому уставу она лишается недвижимого имущества, а если «очреватится мимо шляхтича», то лишается вотчин и привилегий (ст. 5 и 6). Интересна попытка регламентировать проблему развода. Данный текст не имеет вида закона, а скорее производит впечатление собрания справок. В случае болезни одной из сосватавшихся сторон, в результате чего исключается возможность нормальной семейной жизни, по шведскому закону брак не допускается. По «шведским же правам» допустим развод в случае, если один из сговоренных совершил преступление, а другой не знал ни до, ни после сговора (гл. II, ст. 8). В случае измены жены, «по саксонским и шведским правам» развод разрешается, но следует принять меры к примирению (гл. IV). Видимо, вопрос о расторжении брака был одним из наиболее сложных вопросов для членов Комиссии.

В значительно меньшей мере и в весьма своеобразной форме сказалось влияние шведского законодательства при написании статей титула «О содержании добрых порядков и о владении собственностью». В статьях о строительстве и содержании дорог, мостов и перевозов приведено много выдержек из «шведских прав», но в основу большинства статей положены нормы русского законодательства. Лишь по отдельным вопросам (запрет строить плотины и мельницы на судоходных реках, общая повинность по устройству и содержанию больших дорог) имеются заимствования из шведских законов (гл. I и II). То же можно сказать о статьях гл. III, посвященных строительству населенных пунктов (из шведского права: о строении улиц, об отобрании запустошенных дворовых мест в городе, о правилах строения нужников, и т. п.).

Много выдержек на отдельных листах из шведского и датского права в материалах гл. IV «О завладении земель, лесов и о водах и пчелах и других угодьях». И это понятно. Принцип охраны частной феодальной собственности и за рубежом, и в России был один и тот же. Однако при написании статей этой главы использовано главным образом отечественное законодательство — Уложение 1649 года, писцовые наказы, указы первой четверти XVIII в. Основные вопросы охраны собственности на землю, скот и угодья основательно разработаны и в русском праве XVII—XVIII вв. Заимствование шло по линии некоторого расширения круга казусов, подсказанных самой жизнью, — новые статьи о погромах, о захвате чужих островов, об ответственности пастухов за пропажу скотины и т. п. (гл. IV и V). Далек не всегда шли составители проекта Уложения за шведским законом в определении санкций. Любопытен такой пример. По Уложению 1649 года за кражу хмеля, пчел и меда в ульях назначено возмещение иска и штраф,⁴⁴ по шведскому закону — отсечение руки, в проекте Уложения за кражу хмеля и порчу ульев определен штраф (гл. IV).

В главе же «О крепостных людях и крестьянях и о споре во оных и у кого явятся беглые» (гл. VI) из 139 статей только в двух (66 и 67) наряду с указанием, что они написаны «вновь», имеются пометы: «и по силе шведских». Речь в них идет о порядке приема крестьян, пришедших из-за рубежа. Все остальные статьи этой обширной главы написаны на основе русского законодательства о крестьянах или созданы вновь. Полностью отсутствуют заимствования из иностранного права в главе «Как должно нанять и держать свободных и не свободных людей» (гл. VII), которая, правда, в отличие от предыдущей главы носит черновой, незавершенный характер. Нет заимствований в главе «О ловле зверей и птиц в чужих и своих угодьях» (гл. VIII) и в главе 2-го титула «О письме всяких крепостей» (на имения, недвижи-

⁴⁴ Уложение 1649 года, гл. X, статьи 215, 219.

мость, на людей и крестьян). В этих главах как источник использовано исключительно русское законодательство.

Основное содержание 2-го титула составляют правовые вопросы торговли, договоров и найма-аренды. Шведское право, отразившее высокий уровень развития торгового и ростовщического капитала, оказало заметное влияние при написании статей о займах и ссудах, о найме-аренде недвижимого и иного имущества, скота и т. п. Выделены вопросы ответственности за соблюдение сроков и сохранность арендуемого имущества, компенсации в случаях нанесения ущерба имуществу или утраты его, вопросы мены недвижимостями и т. п.

Подводя итог сказанному, отметим, что в числе зарубежных законодательств, использованных при составлении проекта Уложения 1720—1725 гг., шведское законодательство как источник стоит на первом месте. Его влияние сказалось как опосредованно — через использование в качестве основных источников памятников военно-уголовного и процессуального права петровского времени (Артикула воинского, Краткого изображения процессов, уставов Воинского и Морского), отразивших влияние шведского и отчасти саксонского права, так и непосредственно в результате использования шведских законодательных сводов и отдельных отраслей права (в частности, земского, городского, военно-уголовного права и криминалистики). В наибольшей мере влияние шведского права сказалось при выработке разделов Уложения, посвященных общим вопросам судоустройства, процессуального права и более четкого размежевания гражданского и уголовного права. В значительно меньшей мере сказалось влияние иноземного законодательства, и шведского в том числе, в области имущественного, и прежде всего поземельного, права. И почти полностью оно отсутствует в вопросах, касающихся крестьянства, крепостного права, найма рабочей силы и т. д. Комиссия, таким образом, при отборе материала подходила к нему строго критически, в полном соответствии с требованиями, которые выдвигал Петр I.

Работа по составлению нового Уложения осталась незавершенной. Тем не менее ее результаты отражают новый уровень общественно-политического и правового развития России, отражают дальнейшее развитие русского абсолютизма.